

ностью в народе. Но разве можно ее сравнивать хотя бы в отдаленной степени с современной войной, которая полна такого глубокого смысла и пользуется признанием и среди народных масс и среди широких кругов передовой интеллигенции, которую называют „священной“ войной, „освободительной“, в которой видят войну, призванную положить навсегда конец войнам на земном шаре и т. д. Если бы Толстой был жив, он наверное отнесся бы к этой войне иначе, чем он относился к русско-японской войне. Он, без сомнения, высказался бы в аналогичном духе, как другой известный анархист Крапоткин, который подобно Толстому одушевлен идеей братства всех народов и однако же на склоне своих лет выступил с защитой последней войны и в одном из своих писем из Брайтона (2 сентября 1914 г.) писал: „Скорее, скорее выливайте пушки в 50 сантиметров и все тащите их — старики, женщины, дети — на южные высоты Парижа и направляйте их против авангарда гуннов... Довольно иллюзий! Вооружайтесь! Сделайте сверхчеловеческое усилие, только таким образом Франция вновь завоюет себе право и силу распространять *свою* цивилизацию и *свои* идеи свободы, коммунизма и братства среди народов Европы“.

Здесь не место обсуждать то противоречие, в которое вступил Крапоткин в своих последних опубликованных письмах о войне с теми идеями, которые он так страстно и горячо проповедывал в своих прежних сочинениях. Едва ли бы с Толстым могло произойти что-либо подобное... Правда, в эпоху „Войны и мира“ Толстой писал: „Благо тому народу, который не как французы в 1813 г., отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпалу эфесом, грациозно и учтиво передают ее великодушному победителю, а благо